

В Париже зацвели каштаны

Весна 1484 года в Париже была на удивление теплой. Там, где раньше еще лежал снег, сейчас потихоньку распускалась свежая безымянная травка, среди которой возле домов богатых горожан можно было угадать стебельки нарциссов и тюльпанов. Дворовые кошки и собаки собирались на каменных ступенях домов и грелись на солнышке. Ребятишки собирались стайками, точно воробушки, и бегали по городским улочкам. Многим из них хорошо попадет от матушек, которые увидят их вечером насквозь промокших от беготни по лужам. Юные девушки вечерами гуляли за городом с кавалерами, совершенно не боясь простудиться и ходить с покрасневшими от вечернего мороза носиками. Весь город словно родился заново.

Пьер Гренгуар сидел за грубо сколоченным деревянным столом в своей комнатушке во Дворе Чудес и то и дело поглядывал в окно, которое выходило внутрь небольшого квартала нищих. Уже три месяца он работал над драматическим сочинением, заказанным ему парижской епархией по случаю приезда послов соседнего государства. Работа была ответственной, и мэтр Гренгуар полностью погрузился в работу, отвлекаясь лишь для того, чтобы наскоро пообедать и накормить свою козочку.

И вот, наконец, работа была закончена. С чувством выполненного долга поэт откинулся на скамейке и присвистнул от радости. За это произведение казначей епархии пообещал ему никак не меньше пятидесяти ливров, а этого им с Джали хватило бы до следующей зимы. Пьер тут же собрал в кучу все исписанные листы, перетянул их заранее приготовленной бечевкой и, захватив в карман пару яблок, чтобы перекусить по дороге, отправился к острову Сите.

В запасе у него было время, потому Пьер неспешно брел по улицам города. День потихоньку сменялся вечером, голубое небо все сильнее окрашивали золотые и персиковые нити рождающегося заката. Обычно парижские улицы были зрелищем неприглядным – грязь, вонь и бранные слова

из-за каждого угла от лежащих на дворовых тумбах бродяг обычно не настраивают на поэтический лад. Поэтому душа мэтра Пьера не лежала к частым прогулкам по городу, особенно весной, когда после грязного мокрого снега приходилось долго сушить ноги у очага. Но этой весной все было иначе.

Отдав сочинение, он получил взамен от секретаря епархии обещанные пятьдесят ливров и, чего уж поэт не ожидал, благодарность почти дружеским тоном с приглашением через два месяца как автора пьесы на Гревскую площадь. Там у него будет возможность лично предстать перед послами и удостоиться принести им поклоны.

«Ну и дела!», – подумал поэт, почесывая затылок. – «Должно быть, это Пресвятая Дева Мария сейчас оказалась благосклонной к скромному поэту, сочинившего в Ее честь семь мистерий!». Подумав об этом, он решил зайти в Собор Богоматери принести горячую молитву и небольшое пожертвование. «Учитель всегда говорил мне: «Десятину от заработка отдай Богу, ведь без Его помощи мы ничего не смогли бы сделать!» – вспомнил Пьер, довольный своей памятью, и тут же осекся.

Учитель. Это слово, ранее произносимое с таким трепетом, сейчас почти забылось им. Мэтр Клод Фролло, архидьякон Собора Парижской Богоматери, который столько времени мучился с Гренгуаром, уча его латыни и греческому. Он никогда не сдавался, заставлял Пьера сидеть за книгами днями и ночами, был не ласков, но мальчик никогда не получал от него оплеух, как от ремесленника, у которого он учился раньше и уже забыл его имя. «Сейчас бы дать ему мою пьесу, он всегда даст хороший совет», – подумал поэт. Он знал, как погиб его учитель, и еще целый месяц после этого ему во снах приходило искалеченное страхом лицо мэтра Фролло. Но он забыл и это, погрузившись в работу.

В голове один за другим начали, словно из густого тумана, всплывать образы. Вслед за учителем показался его приемный сын, несчастный горбун Квазимодо с наивным взглядом ребенка. Из-за его спины выпрыгнул мальчуган с золотистыми кудрями и стал показывать рожицы – таким поэт

запомнил младшего брата учителя – непослушного бесенка Жеана. Наконец, неспешно, словно боясь показаться кому-то на глаза, вышла она. Эсмеральда. Только одно это имя заставило поэта вспомнить всю его слабость и ничтожность перед опасностью. Их больше нет. От прежней жизни осталось только верное перо и маленькая козочка с позолоченными рожками.

«Неужели мы, люди, всю жизнь обречены жить в грязи от своих грехов и пороков? Почему я раньше не чувствовал этого каменного мешка на сердце? Учитель говорил, что покаяние принесет нам прощение Господа и отпущение грехов, только оно должно быть самым настоящим, искренним», – все мысли этого вечера тянули Гренгуара в собор.

Войдя в храм, он увидел, что в притворе сидела маленькая нищенка и протягивала исхудавшую ручку. В такой час в собор почти никто не заходил, и она сидела, не шелохнувшись, словно статуя. Во Дворе Чудес поэт не видел ее, потому тихонько подошел и спросил: «Как тебя зовут, дитя? Откуда ты?» Девочка еле подняла на него свои большие голубые глаза, на которых застыли слезинки, и еле слышно ответила:

«Я – Мадлен. Я живу под большим мостом. Сударь, дайте мне крошечку хлеба, я не ела уже три дня!» – и из глаз ее наконец хлынули слезы.

Гренгуар тут же вытащил из кармана яблоки и отдал их малютке. Девочка схватила одно и начала быстро жевать, словно боясь, что сейчас у нее отнимут еду.

«У тебя есть родители?» – спросил Пьер, когда девочка доела последнее яблоко.

«Нет, сударь, я живу с тетушкой под мостом, которая взяла меня, чтобы я приносила ей монетки от Бога», – более живо ответила девочка.

«Хочешь жить со мной? – словно неведомая Сила толкнула юношу на эти слова. – У нас есть хлеб и молоко, я найду тебе новое платье, если хочешь. И не прогоню тебя просить милостыню, даже если буду умирать от голода.»

На лице Мадлен читалась смесь удивления, страха и радости.

«Сударь, тогда как я буду у Вас работать?» – спросила она тихо.

« Хочешь работать с моей козочкой? У нее золотые рожки, и она очень умная. Сначала мы с ней научим тебя писать, а потом ты будешь учить ее, согласна?»

Девочка быстро закивала. Видно, жилось ей так тоскливо, что она почти не колебалась, беря незнакомого мужчину за руку и уходя с ним в новую жизнь. Ведь они оба были в храме, это, несомненно, воля Божья – пронеслось у обоих в головах.

Посадив малышку на одну из длинных лавок в соборе, Гренгуар взял несколько больших восковых свечей и отдал их в алтарь пожертвованием. Подойдя к статуе Девы Марии, он положил к ее ногам цветов лилии, купленный в цветочной лавке, и стал горячо молиться, упав на колени. Просил прощения за все: забыл учителя, не помог страждущим, малодушничал, был безразличным к чужой беде. Но более всего молил о прощении, что не помог Эсмеральде, струсил, поступил хуже убийцы! Молил принять ее душу в Рай, на Небеса, обещал молиться о ней всю жизнь, молил простить ей ее грехи, ведь она спасла жизнь человеку из любви и уважения к этой самой жизни, которую дал людям Господь. Так он молился не менее получаса, примкнув горячим лбом к холодному мраморному полу собора и обливая его слезами.

«Сударь, Господь Вас простит, простит, если Вы правда просите прощения по-настоящему», – Гренгуар почувствовал, что к его голове прикоснулась детская ладошка. Он поднялся, обнял малышку и прижал ее к своей груди, продолжая рыдать. Мадлен гладила его по голове и шептала: «Господь простит, Он все умеет, все простит!». И он чувствовал, как этот тяжелый каменный мешок на сердце по камешку убывает. Вскоре от него и вовсе ничего не осталось.

Тяжелый каменный мешок на сердце начал по камешку убывать, вскоре от него и вовсе ничего не осталось.

Выйдя из собора, Гренгуар сделал глубокий вдох. В воздухе запахло медовым цветочным ароматом, словно он на миг оказался в роще цветущих яблонь, вишен и персиков. Свежий вечерний ветерок пронес рядом с ними

несколько розовых лепестков. В Париже зацвели каштаны, впервые за пять лет. Деревья все это время стояли здоровыми, но никак не хотели давать цветы и плоды. Многие городские кумушки видели в этом колдовство, которое наслали цыгане, которые пришли в Париж в то время. Деревья тогда не пустили на дрова, все ждали возрождения прекрасного ярко-розового цветения, которое, словно брошь, украшало наряд города. И оно вернулось.